

Роман Николаевич Лункин, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

Новая христианизация Северного Кавказа: между евангелизмом и «русской верой»¹

Христианская традиция на Северном Кавказе имеет глубокие корни. Ислам и христианство фактически на равных могут считаться историческими религиями народов этого региона. В то же самое время судьба христианской веры на этой земле трагична, так как она была постепенно вытеснена исламом, процесс этот происходил с XIV века и до XIX в. При этом, Северный Кавказ мог бы претендовать на роль древнейшего ареала распространения христианства. Византийские миссионеры стали основывать первые общины уже в IV веке. Адыгская этика в Кабардино-Балкарии сочетает в себе элементы ислама и христианства. Однако к концу XIX в., когда Северный Кавказ оказался полностью под контролем России, православие стало верой почти исключительно русского населения, в основном, казаков, которых целенаправленно переселяли на Кавказ в качестве опоры русской власти. Ислам уважался как вера местного населения (лишь среди осетин и кабардинцев тогда были христиане). Период советской атеизации населения и отток русского населения с Северного Кавказа в 1990-е гг., казалось бы, поставили крест на христианском будущем региона. Но христиане вновь пустили корни во многих республиках Северного Кавказа. Новая постсоветская христианизация по существу возвращает коренные народы к средневековой традиции.

Тем не менее в отличие от Средних веков теперь на Кавказе не одна византийская традиция, а много различных христианских конфессий, каждая из которых предлагает свой путь. Прежде всего, на миссионерском поле региона оказались с начала 1990-х гг. православные и протестанты. Во многом эта ситуация повторяет ту, которая сложилась в конце XIX в., когда среди русского населения православные священнослужители конкурировали с евангельскими движениями молокан и духоборов (существовали с конца XVIII в. как русский вариант протестантизма), а позднее и с баптистами (но в то время эта миссия не затрагивала местное население). Перестройка, а затем и распад Советского Союза открыли двери любым миссионерам. Наряду с возрождением национальной культуры, интересом к исламу, в северокавказском обществе бурно развивались протестантские миссии, тогда как православие долгое время оставалось чрезвычайно слабым. В начале 1990-х гг. общины Русской православной церкви (РПЦ) создавались русскими и лишь некоторыми обращенными в православие из коренных народов. К примеру, приходы Ингушетии, Чечни фактически совсем исчезли в результате оттока русских и Чеченских войн (священники РПЦ поддерживали боевой дух солдат, баптисты и пятидесятники раздавали Евангелия), большой отток русских из Дагестана резко ослабил и так немногочисленные приходы этой республики. Целенаправленной миссии на Северном Кавказе православные не вели. Ситуация стала меняться только в 2010-е гг., что было связано с общей стабилизацией ситуации в регионе, с административной реформой патриарха Кирилла и организацией новых епархий, а также с миссионерским и социальным подъемом внутри самой РПЦ.

¹ В сокращенном варианте текст был опубликован на немецком языке в издании: Roman Lunkin: Die neue Christianisierung des Nordkaukasus. Religion & Gesellschaft in Ost und West. RGOW 6/2019: Nordkaukasus - eine gezähmte Krisenregion? PP. 20-23. URL: <https://www.g2w.eu/zeitschrift/aktuelle-ausgabe/1603-rgow-6-2019-nordkaukasus-eine-gezaehmte-krisenregion>

Современное православие в регионе представлено РПЦ, у которой есть епархии в каждом регионе, кроме Ингушетии. Самой большой является Ставропольская митрополия во главе с митрополитом Кириллом (Покровским). Митрополия включает в себя Ставропольскую епархию (193 прихода, 191 священник и диакон),² Георгиевскую епархию (103 прихода, 80 священнослужителей (клириков)) и часть приходов Пятигорской епархии. Дело в том, что Пятигорская епархия частично располагается в Ставропольском крае, но также включает в себя республики Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Возглавляет епархию архиепископ Пятигорский Феофилакт (Курьянов), в нее входит 164 прихода, 167 клириков). Владикавказская епархия во главе с архиепископом Леонидом (Горбачевым) включает в себя территорию республики Северная Осетия (Алания), всего зарегистрировано 39 приходов.³ Махачкалинская епархия во главе с архиепископом Варлаамом (Пономаревым) включает в себя республики – Дагестан, Ингушетия, Чечня (всего 28 приходов, 31 клирик). Протестантской миссией занимаются баптисты, евангелисты, пятидесятники, адвентисты, лютеране. Численность их организаций в республиках Северного Кавказа лишь немного меньше количества приходов РПЦ. К примеру, в республике с самым значительным присутствием христианского населения - Северной Осетии – 25 разных протестантских церквей и 39 приходов РПЦ из 108 всех зарегистрированных организаций. В самом русском регионе Северного Кавказа - Ставропольском крае 334 православных прихода и 84 протестантских церкви из 498 всех организаций.⁴ Вместе с тем, после 2012 г. в связи с усилением контроля за всеми некоммерческими организациями в России в целом есть следующие тенденции: массовая регистрация организаций РПЦ и превращение их главных конкурентов – протестантских церквей – в зонтичные структуры, в рамках которых регистрируется только базовая церковь, а все остальные существуют как религиозные группы. Таким образом, в регионах России евангельских общин и групп, как правило, в два раза больше, чем зарегистрировано.

Протестанты также, как и православные, были укоренены в регионе. В советский период существовали отдельные группы консервативных баптистов и пятидесятников, «братских лютеран», которые существовали без пасторов и были похожи на баптистов. В 1990-е гг. лютеранские общины возродились там, где люди вспомнили о своих немецких корнях, в основном, в местах, где исторически селились немецкие колонисты в XIX в. (часть из них тогда была также меннонитами, но они затем слились с баптистским движением). Со временем появились общины на базе центров немецкой культуры или Российско-Немецкого дома, как в Ставрополе, и новые верующие, не связанные этническими корнями с лютеранством. Такие лютеранские общины есть в Ставрополе, Черкесске (столица Карачаево-Черкессии), Пятигорске (центре региона Кавказские Минеральные воды, часть Ставропольского края), в городах Майский и Прохладный (Кабардино-Балкария).⁵

2 Доклад митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла на Епархиальном собрании. Пресс-служба Ставропольской епархии. 05.02.2019. [Stavropol-eparhia.ru](http://stavropol-eparhia.ru)

3 По данным портала о некоммерческих организациях Министерства юстиции РФ [Minjust.ru](http://minjust.ru). Информация представлена по состоянию на 29.04.2019.

4 По данным портала о некоммерческих организациях Министерства юстиции РФ [Minjust.ru](http://minjust.ru). Информация представлена по состоянию на 29.04.2019.

5 Визитация общин Северного Кавказа. Сайт Евангелическо-Лютеранской церкви России (немецкой). URL: http://www.elkras.ru/arhiv/arhiv_novostei/2015god/mai/vizitaciyaobshinsevernogokavkaza.jdx

Основное отличие православной миссии от миссии евангеликов в том, что РПЦ нацелена в первую очередь на условно русское население (а также осетин и адыгов христиан), и не ведет работу с местным мусульманским населением (в РПЦ принимают лишь тех, кто приходит самостоятельно в приход, чтобы избежать обвинений в прозелитизме). Лютеранская миссия фактически тождественна православной (в общинах - потомки русских немцев на Кавказе и русские). Католики привлекают людей с католическими корнями (поляков, белорусов, украинцев), но национальную миссию среди коренных народов также ведут, но больше опосредованно, с помощью социальных и культурных проектов. Евангельские церкви, в отличие от католиков и православных, уже не имеют своих национальных корней, поскольку и в советское время были многонациональны, и не ограничивают себя в формах прямой и косвенной проповеди среди местного населения. Следуя своим целям, христианские конфессии неизбежно привлекают потенциальных мусульман из числа народов Северного Кавказа, а также заимствуют друг у друга методы евангелизации.

Методы и широта миссии в большей степени объединяют протестантов с католиками, которым также удалось основать свои приходы и привлечь местное население. Хотя изначально и католики создавали общины из людей, у которых были отдаленные католические литовские, польские корни. Однако намного более многочисленным и распространенным движением, чем у католиков и лютеран, стало евангельское. Часть общин вышло из консервативных церквей советского времени, но большинство церквей появлялось в виде совершенно новых миссий баптистов, евангельских христиан, пятидесятников (харизматов).

Одним из примеров нового типа миссии в РПЦ и диалога между конфессиями является деятельность Пятигорской епархии РПЦ (создана в 2011 г.). Ее глава архиепископ Феофилакт провозгласил оригинальные принципы своего служения: «Церковь должна отстроить свое самостоятельное место в обществе, ей пристало быть частью, а иногда ареной общественных дискуссий и диалога. Добившись автономии от власти, церковь постепенно станет голосом народа перед властью».⁶ Феофилакт терпим к религиозным меньшинствам – установил контакты с католиками и баптистами и принципиально готов к сотрудничеству с ними. По мнению Феофилакta, РПЦ – это естественный центр притяжения и объединения русского населения в горских республиках, особенно в казачьих станицах. Русские в национальных республиках – в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии часто считают РПЦ выразителем своих интересов: «Русские здесь не гости, а такие же хозяева, как и горцы («жители гор», местное население)». По свидетельству Феофилакta, у образованных горцев существует интерес к христианскому прошлому своих народов, но обращений в православие мало. Обращаются преимущественно женщины, чаще из смешанных семей. Есть криптохристиане. В республике заметны русские мусульмане - по оценке Феофилакta - их несколько сотен, большинство из них приезжие из других регионов России, все они радикалы.⁷

В Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, среди прихожан РПЦ есть немного кабардинцев и балкарцев (большинство из смешанных семей), один священник - балкарец. В некоторых храмах в богослужении частично используется кабардинский язык. На Пасху

6 Из интервью архиепископа Феофилакta с социологом Сергеем Филатовым (ноябрь, 2014). Филатов С., Лункин Р. Карачаево-Черкесия. Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II. Ред. С. Филатов. М.; СПб. : Летний сад, 2016. С. 209-234.

7 Филатов С., Лункин Р. Карачаево-Черкесия. Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II. Ред. С. Филатов. М.; СПб. : Летний сад, 2016. С. 209-234.

2014 г. кабардинский язык впервые частично был использован на богослужении в кафедральном соборе Нальчика. Одной из особенностей религиозной жизни в Кабардино-Балкарии, как утверждает священник РПЦ Валентин Бобылев, является то, что кабардинцы, будучи мусульманами, посещают богослужение в православной церкви. Немногие принимают крещение и становятся практикующими православными, но интерес имеют. Как отмечает о. Валентин, «люди здесь на Северном Кавказе не переходят из одной веры в другую, а уходят от атеизма».

В Кабардино-Балкарии существует небольшая, но очень активная католическая община, состоящая из трех приходов – Святого Иосифа (в Нальчике), Святого Семейства (в Прохладном) и Благовещения (в Благовещенке). Настоятелем является француз Лоран из Орлеана, принадлежащий ордену Св. Иоанна. В приходах представлены поляки, русские, немцы, кабардинцы и балкарцы из смешанных семей. Серьезная работа проводится с молодежью, устраиваются летние лагеря «Каникулы с Богом». Отец Лоран большой любитель конного спорта, в Благовещенке создал конюшню и обучает молодежь конному спорту. При церкви существуют неформальные кружки «Друзей Церкви» и «Друзей французской культуры», объединяющие по преимуществу представителей горской интеллигенции. Сестры ордена Матери Терезы оказывают помощь бомжам, нищим, инвалидам.

Наиболее активно национальной миссией занимаются баптисты. Существуют отдельные кабардинские и балкарские группы, которые собираются и читают Новый Завет и христианскую литературу на своих родных языках, также распространяемую миссией баптистов (Евангелие на кабардинский язык перевел швед Лео Мартинсон). Пастор-балкарец Александр Мечиев (интервью автору в ноябре 2013 года) объясняет мусульманам, что у них с христианами много общего, например, мечеть переводится как Дом Молитвы, а мусульманин, как «покорный Богу». Мечиев считает, что среди кабардинцев намного легче проповедовать, так как у них еще сохранились христианские корни в языке, в именах. У балкарцев христианских корней уже меньше. Христианская миссия неоднозначно воспринимается среди кабардино-балкарского общества. В некоторых случаях обращенных в христианство родственники лишают погребения в родном селе, но такие случаи редки. Проповедуя в тюрьмах мусульманам, пастор говорит им, что он также правоверный, покорный Богу человек, а по поводу того, что надо в тюрьме сидеть Аллах ничего не говорил. Тюремное начальство охотно пускает пастора к мусульманам, учитывая угрозу создания «джамаатов» в зонах, разделенных на «зеленых» (мусульман) и «черных» (как «мусульмане» называют православных за то, что они, по их мнению, искажают Писание).

В столице Карачаево-Черкесии – Черкесске – успеха в миссии добились церковь пятидесятников «Божий ковчег». Пастор церкви Гарик Кургиян полагает, что нельзя идентифицировать себя с исламом и с Кораном, несмотря на то, что там говорится об Иисусе. Надо не учить христианской философии, а прямо говорить о вере, о том, что надо оставить все, взять крест и идти за Христом. Поэтому те, кто заигрывали с мусульманами, остались малочисленными, а в церкви «Божий Ковчег» много новообращенных мусульман. Клановость и родственные связи Кургиян также рассматривает с точки зрения положительного влияния на миссию. Определенные гонения со стороны представителей родов, есть, но надо стараться послужить всей семье. В Москве, если обратить одного человека, то все потом не придут, а на Кавказе, если происходит одно исцеление, то приходит еще пятеро, а иногда и вся родня. Поэтому церковь и не разрушает родственную систему. В общине складывается система собственной клановости – общего братства. Карачаевцы, абазинцы легче идут в церковь, чем черкесы. Карачаевцы больше вспоминают свои христианские, аланские корни и традиции. Но и образованные черкесы

интересуются христианством. Характерна ситуация, когда приходят «ваххабиты» и угрожают новообращенному христианину, а он им говорит – где вы были, когда я был алкоголиком и наркоманом, вы мне не помогли, а мне помогла церковь, и я буду туда ходить. Мусульманское население на Кавказе, как отмечает пастор, предназначено для христианской миссии протестантов, так как РПЦ формально не может работать среди народов Кавказа. При этом, РПЦ активизировала свою работу с приходом епископа Пятигорского Феофилакта, стала применять евангельские методы, использовать национальные языки (в частности, на сайте епархии).⁸

Все церкви Северного Кавказа по-разному и в разной степени столкнулись с проблемой преодоления местных запретов и стереотипов, а также принципов, которые существуют у самих церквей.

Во-первых, это связано с пониманием национальной миссии. В Московском патриархате официально придерживаются представления о том, что каждому этносу в России соответствует своя религиозная традиция, и народы мусульманской культуры должны принадлежать исламу. Это своего рода «каноническая территория» народа, на которую другим религиям лучше не заходить. Таким образом, формально РПЦ вроде бы не должна иметь национальной миссии на Кавказе. Однако приходы и епархии РПЦ, как и любая христианская церковь, по мере активизации своей социальной и культурной работы, не могут не выходить за рамки «русской веры», как многие коренные народы России называют православие.

У протестантов есть другая проблема. Для них национальная миссия и привлечение местного населения – это естественная миссионерская задача. Однако баптистами и пятидесятниками, как фундаменталистам в восприятии истинности Библии и оправдания «только верой», культура по существу не нужна, традиции напоминают либо об исламе, либо о язычестве (как у осетин и адыгских народов – кабардинцев). Протестанты часто отвергают традиции, помогают молодому поколению становиться более похожим на молодежь США или Западной Европы. Однако самые успешные протестантские церкви скорее опровергают мнение о себе как об «антикультурных», потому что они так или иначе построены на национальной культурной миссии. Эта миссия включает элементы одежды, музыки, обычаев в церковную жизнь. Православные, вслед за протестантами стали к концу 2010-х гг. использовать национальные языки в богослужении, распространять Евангелия на родных языках народов Кавказа.

Во-вторых, миссия у всех церквей связана с преодолением родовых и клановых связей. Православное духовенство не афиширует обращение местного населения в христианство (кроме открытой миссии в Северной Осетии), протестантские пасторы рискуют жизнью, но проповедуют. В разных конфессиях появляются тайные верующие, которые не говорят о своей вере публично. Периодически миссионеры сталкиваются с враждебностью со стороны исламских радикалов, которые не раз захватывали в заложники евангелистов (граждан США) на территории Чечни и Дагестана в конце 1990-х гг. В 2000-е гг. самой яркой и миссионерски активной была церковь пятидесятников «Осанна» в Махачкале, в Дагестане. Ее пастор Артур Сулейманов стал одним из первооткрывателей миссии среди мусульман (в основном, местных народностей - лакцев и аварцев). С начала деятельности церкви «Осанна» почти каждое воскресенье на служения приходили мусульмане, пытались сорвать собрание, высказывали на сцену и вырывали микрофоны. Учащиеся

8 Филатов С., Лункин Р. Кабардино-Балкария. Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II. Ред. С. Филатов. М.; СПб. : Летний сад, 2016. С. 34-70.

исламских учебных заведений проводили антиевангелизацию. Некоторых неофитов выгоняли из дома, многим угрожали, но в церкви новообращенным говорили, что они должны еще больше любить своих родственников. Конфликты часто выливались во встречи родственников с пастором Артуром Сулеймановым, они начинали возмущаться и угрожать, но пастор занимал миролюбивую позицию. И нередко сами возмущенные родственники становятся членами церкви «Осанна». На Юге Дагестана успешной была миссия норвежского проповедника Рика Фьосна. Среди другого народа -лезгин несколько проповедников в деревнях было убито. В 2010 г. после богослужения у своей церкви был застрелен сам пастор Артур Сулейманов (предположительно радикальным исламистом). Однако евангельская церковь продолжила свое существование. Никаких столкновений после этого уже не было в республике. Одной из последних антихристианских акций радикалов стала атака на храм в Чечне. В мае 2018 г. террористы попытались захватить заложников в православной церкви Архангела Михаила в Грозном, но были уничтожены (сам храм РПЦ в столице Чечни был построен заново (церковь была разрушена во время войны в 1990-е гг.) в 2009 г. усилиями главы Чечни Рамзана Кадырова).

Несмотря на трудности, Северный Кавказ является примером возникновения новых христианских церквей на основе традиций христианства, которые уже были утрачены, как в Кабардино-Балкарии. Уникальная ситуация сложилась в Северной Осетии, где христианство развивается одновременно с появлением националистов-язычников, которые рассматривают многие храмовые комплексы как свои святилища и даже устраивают нашествия на древние храмы.⁹ Новым является то, что православные, протестанты, католики, своей проповедью разрушают многие табу, которые ранее казались непреодолимыми (возможность изменения веры, выход за рамки родовых традиций, противопоставление своей веры — родственным связям, отказ от полуязыческих традиций прошлого, которые есть, к примеру, у осетин и адыгов). Однако христианство не только преодолевает клановые традиции, но и борется в целом с советским предубеждением против религии как таковой, а также против агрессивного радикализма под исламским флагом, осуждая такой радикализм и противопоставляя ему столь же сознательных и мотивированных верующих, но уже христиан.

Наряду с протестантизмом, в 2010-е гг. развитие Православной церкви на Северном Кавказе помогает увидеть в «чистом» виде особенности демократизации и социализации православия, которые происходят и в целом по России. Социальная активность и формирование реальных общин постепенно делают РПЦ значимой общественной силой, духовенство приветствует творческие инициативы прихожан, христианская миссия пробивает себе дорогу сквозь идеологические стереотипы, межконфессиональный диалог ломает сложившиеся представления о «традиционных религиях», среди которых политики и чиновники обычно не упоминают протестантов и католиков. Безусловно, новая христианизация Северного Кавказа стала важным фактором укрепления гражданского общества в регионе, очагом европейской культуры, обогащенной национальными традициями. Этот феномен может преподнести много замечательных сюрпризов, откроет новых местных лидеров и новые миссии, и именно укрепление этой миссии вполне возможно поможет предотвратить новые войны и конфликты на Северном Кавказе.

⁹ Интервью архиепископа Леониды газете "Северная Осетия": Алания приняла христианство осознанно и перспективно. Сайт Владикавказской епархии. 05.09.2018. URL: <https://blagos.ru/content/intervyu-arhiepiskopa-leonida-gazete-severnaya-osetiya-alaniya-prinyala-hristianstvo>